российский фонд помощи/www.rusfond.ru

Виктор Костюковский,
СПЕЦИАЛЬНЫЙ КОРРЕСПОНДЕНТ РОССИЙСКОГО ФОНДА ПОМОЩИ (РУСФОНДА)

Жертвователи и жертвы

Почему частный фандрайзинг в соцсетях становится черным

В эти дни в социальной сети «В контакте» идет война. Обе группы неприятелей, назовем их блогерами и сборщиками, обвиняют друг друга в самых страшных смертных грехах, даже в гибели детей. Снайперские попадания сменяются пальбой в белый свет как в копеечку. Дуры-бомбы, накрывая виноватых, не щадят и правых. Имеются раненные подозрениями и контуженные нецензурной лексикой. Есть и реальные потери. Ведь это война людей вокруг сборов пожертвований на лечение тяжелобольных детей. Вот дети-то и становятся жертвами.

Эти люди называют себя волонтерами. В российском законе о благотворительности такого слова нет. Есть синоним, вернее, перевод с французского: «добровольцы». Это, цитирую закон, «физические лица, осуществляющие благотворительную деятельность в форме безвозмездного выполнения работ, оказания услуг…». Но из всех видов работ и услуг люди, о которых идет речь, выбрали для себя один вид: сбор денег.

В странах, где благотворительность укоренена прочнее и глубже, чем в России, этот вид деятельности называется частным фандрайзингом, и есть такая профессия — фандрайзер. У нас деятельность есть, а профессии, по крайней мере официально, нет.

Волонтеры в тех странах не деньги собирают, а, фигурально выражаясь, больным ребятишкам попки вытирают. Заботятся о больных и бездомных, выхаживают детей и стариков, помогают врачам и социальным службам. Денег за это не получают, хотя в США, к примеру, их работа засчитывается в трудовой стаж. У нас тоже есть примеры настоящего волонтерства: деятельность Елизаветы Глинки (доктора Лизы) и ее «Справедливой помощи», самоотверженный труд волонтеров «Адвиты» и некоторых других фондов. Есть такие волонтеры и в социальных сетях, мы видим эффект от их подвижничества.

Но сейчас все-таки не о волонтерах, а именно о частных фандрайзерах, которых у нас как бы нет, и потому будем пока называть их по-русски — сборщиками. Суть интриги такова. Люди в социальных сетях объединяются в благотворительные группы и организуют, порой успешно, а иногда и не очень, сборы пожертвований. Их оппоненты, условно назовем их блогерами, замечают, что деньги сборщики почему-то собирают не только на банковские счета родителей больного ребенка, но и в свои электронные кошельки и на свои номера мобильников. Отчетность в группах мутная, и это наводит на мысли о присвоении и откатах. Кроме того, по мнению блогеров, сборщики, заинтересованные в максимизации сборов, подталкивают родителей к лечению только за рубежом, убеждая, что российские врачи «по определению не заинтересованы в положительном исходе лечения» (это цитата). И вот под влиянием будто бы сборщиков мать прерывает химиотерапию онкобольного ребенка и, дожидаясь пожертвований, упускает время. И ремиссия сменяется рецидивом, и ребенку не помочь уже и за рубежом.

Ну то есть натуральный черный фандрайзинг.

А сборщики тоже в долгу не остаются: блогеры, мол, своими псевдоразоблачениями («А где доказательства?!») подрывают всю российскую благотворительность, и это из-за них умирают дети!..

Легко сказать: истина посредине. Знаете, когда в ответ на вопросы и даже обвинения блогеров сборщики не гнушаются вот таким аргументом: «Пошла на х.., тупая п….!», когда так пишет одна женщина другой, то мне уже не верится ни в благородство, ни в чистоту помыслов этой добровольной помощницы больных детей.

Об этой войне я говорил с одним из крупных сетевых волонтеров (участник 300 благотворительных групп) и создателем в Великом Новгороде фонда «Чужих детей не бывает» Виктором Пахомовым. Вот его мнение:

— Волонтер-одиночка — это нонсенс. Когда он добровольно работает при фонде, больнице, хосписе, детдоме — понимаю.

Даже при социальной сети. Но в таком случае администрация сети так же, как фонд, больница или хоспис, должна контролировать эту деятельность, отвечать за нее. Я участвовал в выработке правил для благотворительных групп в сети «В контакте». Они регулируют порядок сборов, отчетов и оформления документов, они даже содержат этические нормы. Беда в том, что правила не обязательны. Они не закон, за нарушения не накажешь.

Результаты тысяч фандрайзинговых акций в России ежегодно исчисляются сотнями миллионов рублей. Фандрайзингом у нас теперь вовсю занимаются не только социально ориентированные, как принято отмечать во властных структурах, благотворительные фонды, но и активные граждане, в том числе неочевидной социальной ориентации. И вот вопрос: разве сбор пожертвований не должен регулироваться законом? В таком регулировании нуждаются не только частные фандрайзеры, которых у нас стыдливо зовут волонтерами или — другая крайность — черными фандрайзерами. В таком регулировании, в поправках к закону о благотворительности нуждаются и НКО, и фандрайзинговые благотворительные фонды. В Великобритании, к примеру, гражданское общество, опираясь на закон, давно сформулировало правила партнерства НКО и частных фандрайзеров, вплоть до процентных ставок со сборов.

Так разве наш частный фандрайзер не должен точно знать, что нельзя, а что можно и что ему законно полагается? Но профессии и законного понятия «фандрайзер» в России еще нет. А для сборщика закон не писан. Значит, и войны неизбежны.

Давай подышим

Никиту Боровых спасет операция на сердце

Мальчику девять лет, у него тяжелый прогрессирующий порок сердца. От этого порока Никита задыхается. Приступы были бы частыми и тяжелыми, если бы белгородский депутат (они живут в Белгородской области) не купил Никите годовой запас лекарства траклир за 1,2 млн руб. На этом лекарстве Никита и живет. Но запас заканчивается. Пока лекарство не кончилось, Никите нужно сделать операцию на сердце в Немецком кардиологическом центре (Берлин, Германия). Тогда мальчик перестанет задыхаться.

Никита выходит во двор и идет к футбольной площадке. Знаете, такие деревянные коробки стоят во дворах, и мальчишки гоняют там мяч? Никита общительный. С ним дружат. Его принимают в игру, но минуты через две мальчик останавливается и уходит.

— Никит, ты куда?

— Я на лавке посижу. Я устал.

— Как это устал?

— Я весь устал.

Мальчик сидит на лавке и смотрит, как играют товарищи. Минут через пять усталость проходит, Никита возвращается на площадку и идет к воротам.

— Я на воротах постою.

Его принимают. Дворовые товарищи что-то там понимают про Никитино сердце и принимают его в игру снова. И в третий раз приняли бы, но трижды выходить из игры и входить в игру Никита считает неприличным. Смертельно устав и от голкиперства, мальчик идет к лавке, садится и ждет, пока окончится игра. Он надеется, что после футбола товарищи станут играть в песке или катать машинки. Это легче. У него есть с собой машинка. Он катает ее по лавке в надежде, что товарищи заинтересуются его игрой. Это легче. Но он никогда не просит ребят поиграть с ним в машинки, потому что в машинки ему легче.

Если после футбола мальчишки затевают играть в войну, Никита берет в руки игрушечное оружие, бежит с оружием по двору, стреляет в условного противника — дыщ! дыщ! — имитируя звук выстрелов.

Минут через пять Никита садится.

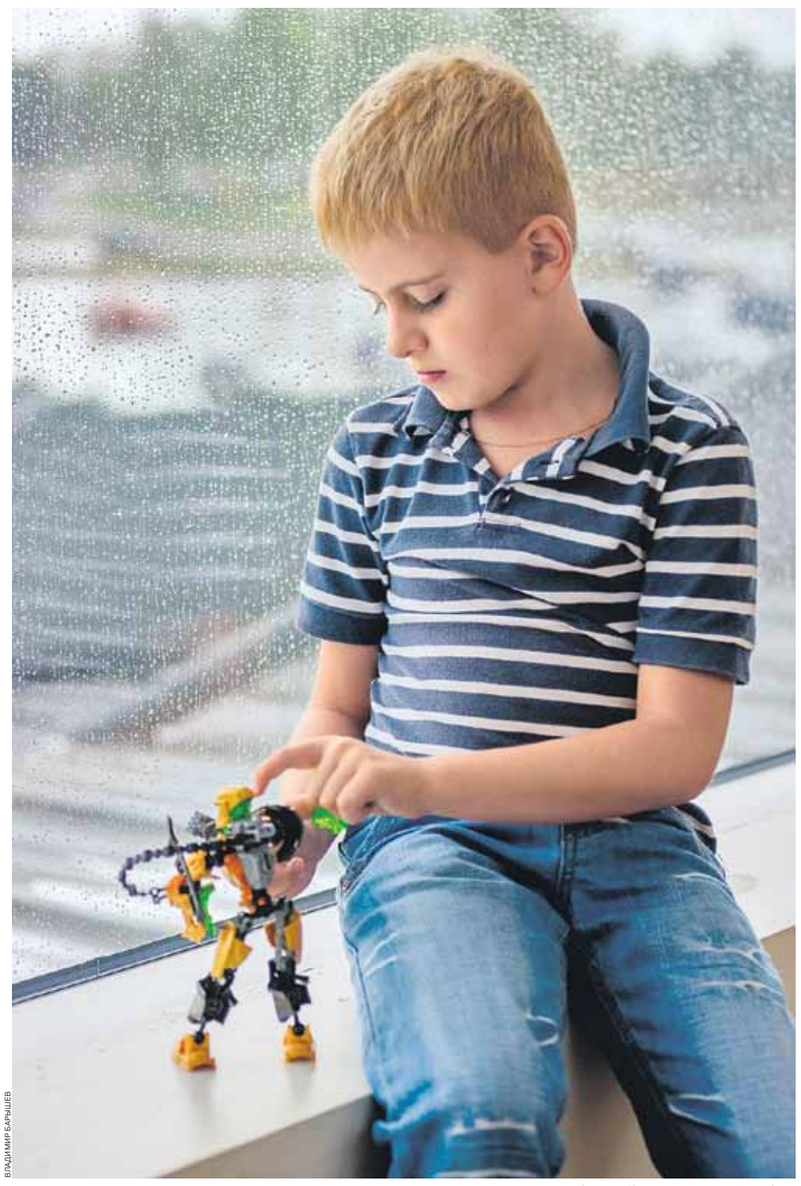
— Дыщ! Дыщ! — условный противник подбегает к мальчику, стреляет в него и кричит. — Убит!

— Ни фига не убит. У меня сердце болит.

— А! Ну ладно.

И война продолжается без Никиты. Что-то там они понимают про Никитино сердце, дворовые его друзья. А сам Никита про сердце свое понимает плохо. Он знает только, что однажды поедет в Германию. Он не знает толком, где это — Германия. И вообще — страна это или город. Но там ему сделают операцию, и после операции можно будет играть в футбол и кататься на коньках. Он знает, что пока операцию не сделали, в футбол лучше не играть, а лучше играть в «Лего». Когда зовут обедать, Никита вздыхает с облегчением. За обедом можно ведь посидеть спокойно, не потому что у тебя болит сердце, а потому что ешь суп. Это не обидно. И после обеда можно на законном основании не бежать уже никуда до самого ужина, а складывать конструктор «Лего». Потому что все ведь так делают. И он мастерит из «Лего» самолеты, роботов, машинки, замки с башнями.

А к вечеру даже и от спокойных занятий с «Лего» Никита устает. И начинает задыхаться. Но это ничего страшного. Это так часто с ним случается, что Никита уже привык. Он подходит к маме и говорит:



ВЛАДИМИР БАРЫШЕВ

Никита про сердце свое понимает плохо. Он знает, что однажды поедет в Германию. Он не знает толком, где она. Но там сделают операцию. Он знает, что пока операцию не сделали, в футбол лучше не играть, а лучше играть в «Лего»

— Мне дышать тяжело, давай подышим.

И мама достает ингалятор. И они дышат. Никите совсем не страшно, что он задохнется. Во всяком случае, ему не так страшно, как было в Белгороде, в больнице, когда делали зондирование. Тогда Никите укололи морфин в мышцу, а он вместо того, чтобы заснуть, ослеп ненадолго. Лежал на руках у мамы и кричал:

— Я не вижу тебя! Я тебя не вижу!

Вот это было страшно. А задыхаться — обыденно. Никита знает, что вот сейчас подышит немного с ингалятором, приступ одышки пройдет, и он вернется к конструированию роботов из «Лего». А потом выпьет таблетку и пойдет спать.

Он не понимает, что все дело в этой таблетке. Он не знает, что живет на лекарствах. Он не знает, что если бы не было траклира, нельзя было бы играть в футбол даже и две минуты. Нельзя было бы стоять на воротах. Нельзя было бы играть в войну, даже и с перерывами. И машинку катать было бы нельзя. И нельзя было бы выйти во двор. На три ступеньки в подъезде нельзя было бы подняться. Тяжело было бы сидеть и мастерить башни из «Лего». Он бы лежал, задыхался, и никакой ингалятор не помогал бы ему, потому что дело не в легких, дело в сердце.

Никита не понимает, что годовой курс траклира стоит 1,2 млн руб. А мама зарабатывает 22 тыс. руб. в месяц. А папа платит 7 тыс. алиментов. Получается 29 тыс., и Никита не очень еще изучил арифметику, чтобы догадаться, насколько невероятно для его мамы купить лекарства, благодаря которым он выходит во двор, катает машинку, стоит на воротах и стреляет из игрушечного пистолета в условного противника — дыщ! дыщ! — изображая звук выстрела.

Он не знает, что операцию надо делать срочно, пока не кончились лекарства. Он думает, операция нужна, чтобы кататься на коньках.

Валерий Панюшкин

КАК ПОМОЧЬ | **ДЛЯ СПАСЕНИЯ ДЕВЯТИЛЕТНЕГО НИКИТЫ БОРОВЫХ НЕ ХВАТАЕТ 941 092 РУБ.**

Рассказывает кардиолог Немецкого кардиологического центра Станислав Овруцкий: «У Никиты врожденный порок сердца, частичный аномальный дренаж правых легочных вен в верхнюю полую вену, дефект межпредсердной перегородки, высокая легочная гипертензия. В России мальчику сузили легочную артерию, после чего давление несколько понизилось. Затем было проведено лечение специальными препаратами, понижающими легочное сопротивление. В результате легочная гипертензия не критическая, но остается весьма высокой. Случай сложный, но при таком пороке хирургическая коррекция возможна. Мы выясним, чем вызвана высокая легочная гипертензия: является ли она первичной или связана только с пороком? Мы проведем зондирование для уточнения анатомии порока и повторное тестирование лекарственными препаратами. Если динамика будет положительной, операция возможна. После нее состояние мальчика значительно улучшится — он сможет жить как все».

Берлинский кардиоцентр выставил счет за лечение Никиты на 1 441 092 руб. 500 тыс. руб. внесет одна московская компания, как всегда, пожелавшая остаться неназванной. То есть не хватает еще 941 092 руб.

Дорогие друзья! Если вы решите спасти Никиту Боровых, то пусть вас не смущает цена спасения. Любое ваше пожертвование будет с благодарностью принято. Деньги можно перечислить в благотворительный фонд «Помощь» (учредители Издательский дом «Коммерсантъ» и руководитель Русфонда Лев Амбиндер) или на банковский счет Никитиной мамы Ирины Ивановны Боровых. Все необходимые реквизиты есть в Русфонде. Можно воспользоваться и нашей системой электронных платежей, сделав пожертвование с кредитной карточки или электронной наличностью, в том числе и из-за рубежа (подробности на rusfond.ru).

Экспертная группа Российского фонда помощи

Из свежей почты

Генеральный донор благотворительный фонд «Урал» (Башкирия) — все цены ниже на 50 тыс. руб., подробности на rusfond.ru

Арсений Станков, 4 года, детский церебральный паралич, эпилепсия, требуется курсовое лечение. 100 100 руб.
Внимание! Цена лечения 150 100 руб. Группа компаний «Ренова» внесла 50 тыс. руб. Не хватает 100 100 руб.

На 29-й неделе беременности я чуть не умерла. Сделали кесарево сечение. Состояние сына было стабильно тяжелым: отек головного мозга. Мы не выходим из больниц. В шесть месяцев у Арсения начались эпилептические приступы, лишь через полгода удалось их купировать. Год нельзя было принимать лекарства, делать массаж и гимнастику: все могло спровоцировать приступ. Понемногу начали реабилитацию, и сын уже держит голову, стал эмоциональным. Но этого мало. Я много слышала об Институте медтехнологий (ИМТ). Попасть туда — наша последняя надежда. Муж нас бросил. Он водителем мало зарабатывает и деньгами не помогает, правда, с сыном общается. Мы с Арсюшей живем на одну пенсию. *Анастасия Станкова, Пермская область*

Невролог ИМТ Елена Молодыченко (Москва): «Надо срочно начать терапию. Мы научим Арсения стоять и ходить, добьемся появления моторики рук и их взаимодействия, разовьем речь».

Ярослав Бежко, 7 лет, несовершенный остеогенез, надо срочно начать курсовое лечение. 160 тыс. руб.
Внимание! Цена лечения 230 тыс. руб. Компания LVMH Perfumes & Cosmetics (Россия) внесла 70 тыс. руб. Не хватает 160 тыс. руб.

О том, что у сына патологически хрупкие кости, мы узнали, когда ему было три года, после очередного перелома локтевого сустава. Нас направили на медико-генетическую консультацию. В Краснодарском крае «стеклянную» болезнь не лечат. А Ярослав с пяти лет не растет. Стопы повело в стороны, и он ходит косточками вперед. Сейчас его «костный возраст» — на четыре года, рост 107 см. В июне мы впервые попали к профессору Беловой. Оказывается, Ярославу можно помочь! Но платить за лечение нечем. Муж на производстве строительных блоков зарабатывает 9 тыс. руб., а я занята детьми, у нас еще дочь-школьница. Мы ходим в музыкальную школу на хор и фортепиано, и педагоги говорят, что Ярослав очень способный. Пожалуйста, помогите его вылечить! *Наталия Бежко, Краснодарский край*

Заведующая отделением педиатрии Европейского медицинского центра Наталья Белова (Москва): «Лечение нельзя откладывать: нетяжелая форма заболевания еще поддается воздействию, хоть и упущено много времени».

Даша Дудченко, 10 лет, сосудистая мальформация жевательной мышцы, требуется операция. 65 тыс. руб.
Внимание! Цена операции 120 тыс. руб. Фонд «Наша инициатива» компании «М.Видео» внесет 55 тыс. руб. (бюджет «М.Видео» для Русфонда на 2012 год 5 млн руб.). Не хватает 65 тыс. руб.

В три года левая щека Даши увеличилась. В областной больнице диагностировали лимфангиому и прооперировали. А УЗИ опять показало новообразование! Операцию повторили — тот же результат. И все, что предлагают местные врачи,— это та же операция, уже третья по счету. Я повезла Дашу в Москву и узнала, что диагноз был неверным, а проведенные операции — бессмысленными. Операция необходима, но совсем другого уровня. К несчастью, она платная, а у нас в селе постоянной работы не найдешь. Когда Даше шел третий год, мой муж умер. И началась эта история со щекой и операциями. А три года назад я родила сына. Живем на нерегулярные заработки моего второго мужа и пенсию Даши по потере кормильца. *Наталья Дудченко, Воронежская область*

Руководитель Центра челюстно-лицевой хирургии Виталий Рогинский (Москва): «У Даши мальформация кровеносных сосудов жевательной мышцы. Мы владеем методикой, позволяющей ее удалить: это радиочастотная абляция с одновременным удалением патологического очага».

Наташа Жижина, 1 год, врожденная левосторонняя косолапость, срочно требуется лечение. 70 тыс. руб.

Из троих моих детей двое на инвалидности: сын по зрению, а у дочери косолапая ножка. В областной больнице в течение полугода на Наташину ногу накладывали гипс выше коленного сустава. Затем гипсовали сапожком. А теперь сказали, только оперировать, раз десятимесячное гипсование результата не дало. Наташа встает на правую ногу, левой опирается на пальчики — и падает! Левая нога стала короче. Я слышала, таких косолапиков лечат методом Понсети, не причиняя детям боли. Платить за это лечение нам нечем. Перебиваемся разовыми заработками мужа на стройках, живем в коммуналке, продать нечего. Помогите вылечить дочку по Понсети! *Елена Янина, Новгородская область*

Заместитель главного врача больницы имени Н. В. Соловьева Юрий Филимендиков (Ярославль): «Надо срочно начинать лечить Наташу, много времени упущено. Методом Понсети мы за два месяца выпрямим ее стопу, и рецидива не будет».

Владик Федоров, 3 года, врожденный порок сердца, спасет эндоваскулярная операция. 69 100 руб.
Внимание! Цена операции 139 100 руб. Компания ТТК внесла 70 тыс. руб. Не хватает 69 100 руб.

Смотрю на кулачок сына, представляя его сердечко, и соотношу размер дефекта — а он уже больше сантиметра! Даже мне, взрослому мужчине, страшно. Кардиологи настаивают на срочной операции: развивается опасное осложнение, скапливается жидкость в легких. Владик тяжело болеет, обычная простуда — бедствие. Томские врачи готовы закрыть дефект через сосуды: эту операцию Владик легче перенесет. А мне ее не оплатить, я наладчик на предприятии, заработок 9 тыс. руб. Фирму, где работала жена до декрета, ликвидировали. Надо искать работу, но сыну в таком состоянии в детсад нельзя. А что с ним дальше будет? Надеюсь на вашу помощь. *Евгений Федоров, Удмуртия*

Старший научный сотрудник Томского НИИ кардиологии СО РАМН Евгений Кривощеков: «Этот дефект межпредсердной перегородки мы закроем щадяще, эндоваскулярно. Откладывать операцию нельзя: развивается легочная гипертензия».

Реквизиты для помощи есть в фонде.
Возможны электронные пожертвования (подробности на rusfond.ru).

все сюжеты
rusfond.ru/**pomogite**

В сентябре Макара Пивнева ждут в Новосибирске

17 августа в „Ъ“, «Газете.ru», на сайтах rusfond.ru, «Эхо Москвы», livejournal.com и «Здоровье@mail.ru» мы рассказали историю трехлетнего Макара Пивнева из Красноярского края («Вкривь и вкось», Виктор Костюковский). У мальчика тяжелый грудной сколиоз 4-й степени, он прогрессирует, серьезно угрожая сердцу и легким. Помочь берутся врачи Новосибирского НИИТО, но Пивневы оплатить лечение не в силах. Мы рады сообщить, что вся необходимая сумма (1 770 700 руб.) собрана. Спасибо! Мы следим за развитием событий.

И вот еще новости.

Оплачены: операция Диме Боженову (3 года, Алтайский край); лечение Насте Баталовой (7 лет, Кемеровская обл.), Ксюше Филипповой (11 лет, Новгородская обл.) и Диме Смирнову (5 мес., Тверская обл.); инсулиновая помпа и расходные материалы к ней Лере Балаевой (7 лет, Калининградская обл.).

Всего с 17 августа 263 362 читателя „Ъ“, rusfond.ru и телезрителей проекта «Русфонд на Первом» исчерпывающе помогли (38 594 515 руб.) 52 тяжелобольным детям.

Помогли: «Русский дар жизни», Общество помощи русским детям, Олеся (все — США), Людмила Новак (Канада), Елена Минаева (Бельгия), Денис, Екатерина Григорьева, Людмила, Эрик (все — Великобритания), Георгий, Денис, Евгений, Евгения, Карина, Наталья, Николай, Оксана, Эдита (все — Германия), Юрий, yatito (оба — Израиль), Елена (Ирландия), tradeprofi.com (Испания), Oxana Boos (Кипр), Татьяна (Малайзия), Евгений (Мальта), А. Снежная, Илга и Олег (все — Норвегия), Андрей, Михаил, Shema (все — Франция), Юлия, alex021, Yana Ferracini (все — Швейцария), Валентин Пучков (Азербайджан), Анна, Доброжелатель (оба — Белоруссия), Алина К., Валентин, Кристина Смерик, Ольга Берикова, Татьяна, Юлия, Юрий (все — Казахстан),

АЛЕКСАНДР ПАНИОТОВ

Благодаря 198 читателям Русфонда Макара Пивнева примет Новосибирский НИИТО

Сергей Суров, Ринат Анварович (оба — Узбекистан), Анастасия Есина, Дмитрий Титов, Максим Каташинский (все — Украина), Лиманский филиал ФГУ БУ «Управление „Астраханмелиоводхоз“», Анна (все — Астраханская обл.), фонд «Урал», Алиса, Вадим Адехамович, Ильдар Мамлеев, Конаныхина О., Ольга Колесникова (все — Башкирия), ALVI (Бурятия), Елена, Ринат Хайруллин, Тёмик, Юра Полевой (все — Вологодская обл.), Александр, Светлана (оба — Воронежская обл.), София (Калужская обл.), Дарья, krav76 (оба — Кемеровская обл.), Дмитрий, Наталья Бердникова (оба — Кировская обл.), Инара Паршикова, Максим (оба — Республика Коми), Александр (Костромская обл.), Дан Кодинцов, Елена Липницкая, Малина, Марина Рявкина, Юлия (все — Краснодарский край), Мария (Курская обл.), Дамир, yolka2505 (оба — Марий Эл), БТЗ, Наталья, Ольга, Maximus, shanti (все — Нижегородская обл.), Андрей, Антон П., Антон Пахомов, Василя, Ирина, Катя и Максим Нахимович, Марина и Наталья, Илья Леонидович Неупокоев, Сергей, Титов А. Н. (все — Новосибирская обл.), Алексей, Владимир Обмелюхин (оба — Пермский край), Лина Ермолина (Приморский край), Александр Галатов, Алексей Зиновьев, Анна Пономарева, Артем, БДДТТЛ, Кристина, Олег Тищенко, две Светланы (все — Ростовская обл.), Евгений, Ирина Степанова, самарские ветераны ВДВ, Сергей Шмелев, goga, Ponom (все — Самарская обл.), Анастасия Лебедева (Сахалинская обл.), Алексей Курилин, Евгений, Николай Викторович Миронов, ok (все — Смоленская обл.), Денис Гришин, Дина, Исхаков Р., Сафа, семья Хабибуллиных, Рустам Рамазанов, Фарид Зайнеев, Шамиль Ом, Яков (все — Татария), Дарья, Екатерина Никишина, Крис, Оксана, Татьяна (все — Ярославская обл.), фонд «Адвита», ООО «ЛК „Сигма“», Алексей, два Андрея, Анжелика, Антон, Валерия, Владимир, Геннадий, Дмитрий, Иван, Константин, Максим, Наталия, Наталья, Олег, два Павла, Татьяна, две Юлии, Алина Воронова, Артем Черданцев, Владимир Лобанов, Владимир Силаков, Воронин, Галина Рогалевич, Денис Лепешкин, Дмитрий Лемешев, Игорь Ляпин, Ирина Левиева, Космос, Костыренко А. Р., Равшан Ширяев, Сергей Шедов, Юлия Жукова, Юлия Зорева, mashagoldwing, Vlad (все — Петербург), ОСАО «Ингосстрах», компания ТТК, ГК «Ренова», фонд «Наша инициатива» компании «М.Видео», Сбербанк, компании LVMH Perfumes & Cosmetics (Россия), «Первый канал», программа «Мили милосердия» компании «Аэрофлот», ОАО МТС и сотрудники компании, ЗАО «Райффайзенбанк» и сотрудники банка, ОАО ФСК ЕЭС, компания «Транс Вента», ООО «ВП-холдинг», Павел, Герман, два Виталия, два Антона, Денис, Светлана Ионова, Борис, пять Елен, пять Андреев, Николай, Артем, Галина Николаевна, Тимур, Владимир, Гульнара, Сергей Анатольевич, Рустам, Дмитрий Шиляев, Алия, Светлана Шлей, Валентин Иванович, Айдар (все — Москва). Спасибо!

Антонина Казакова

полный отчет
rusfond.ru/**sdelano**

ДЛЯ ТЕХ, КТО ВПЕРВЫЕ ЗНАКОМИТСЯ С ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ РОССИЙСКОГО ФОНДА ПОМОЩИ

Российский фонд помощи (Русфонд) создан осенью 1996 года для помощи авторам отчаянных писем в "Ъ". Проверив письма, мы размещаем их в "Ъ", «Газете.ru», «Комсомольской правде» и Bonus (Башкирия), «Северной Осетии», на сайтах rusfond.ru, livejournal.com, «Эхо Москвы», «Здоровье@mail.ru», интернет-порталах «БИЗНЕС Online» (Татария), proufu.ru, ufa.kp.ru и fond-marhamat.ru (Башкирия), «15 регион» (Северная Осетия), в эфире «Первого канала», телекомпаний «Алания», «Вся Уфа», а также Башкирского спутникового телевидения. Решив помочь, вы получаете у нас реквизиты авторов и дальше действуете сами либо отправляете пожертвования через систему электронных платежей. Возможны переводы с кредитных карт и электронной наличностью, в том числе и из-за рубежа (подробности на rusfond.ru). Мы просто помогаем вам помогать. Читателям затея понравилась: всего собрано свыше $79,52 млн. В 2012 году (на 30 августа) собрано 489 419 880 руб. Мы организуем и акции помощи в дни национальных катастроф. Фонд — лауреат национальной премии «Серебряный лучник».

Адрес фонда: 125252, г. Москва, а/я 50;
rusfond.ru; e-mail: rusfond@kommersant.ru.
Телефоны: 8-800-250-75-25 (звонок по России бесплатный, благотворительная линия от МТС), факс (495) 926-35-63 с 10.00 до 20.00.

Страница подготовлена при содействии благотворительного фонда «Помощь».